

НИКОЛАС
СПАРКС

*Дальняя
дорога*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

С71

Серия «Спаркс: чудо любви»

Nicholas Sparks
THE LONGEST RIDE

Перевод с английского *В. Сергеевой*

Компьютерный дизайн *Э. Кунтыш*

Печатается с разрешения литературных агентств
The Park Literary Group и Andrew Nurnberg.

Спаркс, Николас.

С71 Дальняя дорога : [роман] / Николас Спаркс ; [перевод с английского В. Сергеевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 416 с. — (Спаркс: чудо любви).

ISBN 978-5-17-153737-1

Как причудливо порой переплетаются человеческие судьбы... Казалось бы, что общего между стариком Айрой Левинсоном, на грани жизни и смерти вспоминающим историю своей любви к жене, с которой прожил более пятидесяти лет, и студенткой Софией, влюбившейся в экс-чемпиона по родео и оказавшейся перед непростым выбором между чувством и блестящим будущим?

Два поколения, две истории, вечная любовь...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Willow Holdings, Inc., 2013

© Перевод. В. Сергеева, 2014

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2023

ISBN 978-5-17-153737-1

Оглавление

Глава 1. Айра	5
Глава 2. София.....	24
Глава 3. Люк.....	48
Глава 4. София.....	58
Глава 5. Айра	74
Глава 6. Люк.....	89
Глава 7. София.....	102
Глава 8. Айра	120
Глава 9. София.....	135
Глава 10. Люк.....	149
Глава 11. Айра	165
Глава 12. Люк.....	177
Глава 13. София.....	183
Глава 14. Айра	198
Глава 15. Люк.....	215
Глава 16. София.....	221
Глава 17. Айра	235
Глава 18. София.....	251
Глава 19. Люк.....	262
Глава 20. Айра	269
<i>Дальняя дорога</i>	411

Глава 21. Люк.....	288
Глава 22. София.....	298
Глава 23. Люк.....	305
Глава 24. София.....	309
Глава 25. Люк.....	318
Глава 26. София.....	322
Глава 27. Люк.....	325
Глава 28. Айра.....	332
Глава 29. София.....	355
Глава 30. София.....	366
Глава 31. Люк.....	375
Глава 32. София.....	384
Глава 33. Люк.....	397
Эпилог.....	405

*Посвящается
Майлзу, Райану, Лэндону,
Лекси и Саванне*

Глава 1

Начало февраля 2011 года

Айра

Иногда мне кажется, что я последний в своем роде.

Меня зовут Айра Левинсон. Я южанин и еврей и в равной мере горжусь тем, что во мне время от времени замечают оба эти признака. А еще я глубокий старик. Я родился в 1920 году — в том самом году, когда объявили сухой закон, а женщины получили право голосовать. Я часто задумывался, не потому ли моя жизнь обернулась именно так. В конце концов, я никогда не злоупотреблял спиртным, а женщина, на которой я женился, встала в очереди к избирательной урне, чтобы проголосовать за Рузвельта, как только достигла необходимого возраста. Сам собой напрашивается вывод, что дата моего рождения каким-то образом предопределила все это.

Отец поднял бы меня на смех. Он верил в незыблемые правила. «Айра, — говорил он, когда я был моложе и работал с ним в галантерейном магазине, — я скажу тебе, чего ты никогда не должен делать». «Правила жизни» — вот как он называл свои наставления. Я буквально вырос под их аккомпанемент. Некоторые из них касались морали и уходили корнями в учение Талмуда;

наверное, именно такие постулаты большинство родителей внушают своим детям. Нельзя лгать, заниматься мошенничеством, красть и так далее. Но отец — «периодический еврей», как он сам выражался, — больше внимания уделял практическим моментам. «Не выходи в дождь без шляпы, — говорил он. — Не трогай конфорку плиты, вдруг она горячая». Я узнал, что никогда не следует пересчитывать деньги на людях или покупать украшения с рук, какой бы выгодной ни казалась сделка. Эти «никогда» тянулись без конца, но, несмотря на их хаотичность, я следовал почти всем правилам, может быть, потому что не хотел разочаровывать отца. Даже сейчас его голос сопровождает меня в долгой прогулке, которая называется жизнью.

Сходным образом отец частенько объяснял, что я должен делать. Он ожидал от меня честности и прямо-ты в любых жизненных ситуациях, а еще учил придерживать дверь перед женщинами и детьми, крепко жать руку при знакомстве, запоминать имена и всегда давать клиенту чуть больше, чем он ожидает. Со временем я понял: эти правила не только лежали в основе жизненной философии, которая сослужила отцу хорошую службу, но и прекрасно давали понять, что он за человек. Поскольку сам он верил в честность и прямоту, то полагал, что и другие люди таковы. Отец верил в человеческую порядочность и думал, что прочие живут точно так же. Он считал, что большинство людей, если дать им выбор, поступят правильно даже в трудной ситуации и что добро всегда восторжествует над злом. Впрочем, наивен он не был. «Верь людям, — говорил отец, — пока они не дадут тебе повода разувериться. Но и после этого никогда не поворачивайся спиной».

Мой отец более чем кто-либо повлиял на то, каким я стал.

Но война подкосила его. Точнее, холокост. Рассудок у отца остался прежним — он мог разгадать кроссворд

в «Нью-Йорк таймс» меньше чем за десять минут — зато вера в людей пошатнулась. Мир, который он якобы знал, вдруг утратил всякий смысл, и отец сильно изменился. Тогда ему было под шестьдесят; он взял меня партнером в дело и почти перестал заходить в магазин, зато стал полноценным иудеем. Вместе с матерью — о ней я расскажу потом — отец начал регулярно бывать в синагоге и жертвовать средства на бесчисленные еврейские вопросы. Он отказывался работать по субботам. С интересом следил за новостями, касающимися провозглашения независимости Израиля, и за арабо-израильской войной, которая последовала в результате. Стал ездить в Иерусалим, по крайней мере раз в год, как будто ища нечто недостающее в жизни. Когда отец состарился, я сильно беспокоился из-за этих дальних поездок, но он заверял, что способен о себе позаботиться, — и много лет так оно и было. Несмотря на почтенный возраст, его ум оставался по-прежнему острым, но, к сожалению, тело сдавало. Когда отцу стукнуло девяносто, он пережил сердечный приступ; хотя он и оправился, второй удар, полгода спустя, привел к частичному параличу правой стороны туловища. Но все равно он настаивал, что может сам о себе позаботиться. Отец отказался перебраться в дом престарелых, пусть даже ему приходилось передвигаться при помощи ходунков, и продолжал водить машину, несмотря на мои мольбы и опасения, что его лишат прав. Я твердил, что это опасно, а отец только пожимал плечами.

«А что я могу сделать? — спрашивал он. — Как еще добраться до магазина?»

Он умер через месяц после того, как ему исполнился сто один год. В отцовском бумажнике по-прежнему лежали водительские права, а на столике рядом с кроватью — разгаданный кроссворд. Он прожил долгую интересную жизнь, и в последнее время я часто о нем думаю. Наверное, это логично, потому что я шел по его

стопам. Я держал в уме «Правила жизни», когда открывал магазин по утрам и общался с людьми. Я запомнил имена и давал клиентам больше, чем они ожидали. До нынешнего дня я не выхожу из дому без шляпы, если есть угроза дождя. Как и отец, я пережил сердечный приступ и теперь передвигаюсь с ходунками; но рас­судок меня не подводит. Как и отец, я слишком упрям, чтобы отказаться от водительских прав. Впрочем, если хорошенько подумать, здесь я, возможно, был не прав. Иначе я бы не оказался в столь затруднительном положении. Моя машина слетела с дороги в глубокий кювет, капот помялся от столкновения с деревом. Если бы не мое упрямство, я бы теперь не мечтал о появлении спасателей с полным термосом кофе, одеялом и передвижным тронem, на котором меня понесут, как фараона. Потому что, насколько я могу судить, это единственный способ выбраться отсюда живым.

Я в беде. За треснутым стеклом продолжает идти снег, застилая все вокруг. Голова в крови, тошнота под­катывает волнами, я почти уверен, что правая рука сло­мана. Ключица тоже. Плечо ноет, и малейшее движе­ние причиняет страшную боль, я дрожу от холода. Хоть я и в пальто.

Я солгу, если скажу, что мне не страшно. Я не хочу умирать, а благодаря родителям — мама дожила до де­вяноста шести лет — уже давно понял, что генетически запрограммирован на долгую жизнь. Всего лишь не­сколько месяцев назад я искренне полагал, что протяну еще как минимум лет пять. Возможно, это будут не луч­шие годы — в моем возрасте полного порядка с само­чувствием не бывает. Я начал потихоньку рассыпаться на части — отказывают суставы, сердце, почки и прочие части организма, — но недавно добавилось и еще кое­что. Образования в легких, как сказали врачи. Опухоль. Рак. Мне осталось жить месяцы, а не годы... но в любом случае я еще не готов умирать. Только не сегодня. Я кое-

что должен сделать — то, что делал регулярно, начиная с 1956 года. Давняя традиция скоро уйдет в прошлое, и я мечтал о возможности с ней попрощаться.

Все-таки странно, о чем человек думает, когда полагает, что смерть неизбежна. Одно я знаю наверняка: хоть мне и осталось недолго, я бы предпочел умереть по-другому, чтобы не было трясущихся рук, ходящих ходуном челюстей и ожидания, когда наконец откажет сердце. В моем возрасте я успел побывать на бесчисленных похоронах — и, будь у меня выбор, я бы предпочел скончаться во сне, дома, в уютной постели. Люди, которые умирают именно так, неплохо выглядят, поэтому, раз уж я чувствую за плечом присутствие Мрачного Жнеца, надо, собрав силы в кулак, перебраться на заднее сиденье. Меньше всего я хочу, чтобы меня нашли заочневшим сидя, похожим на дурацкую ледяную скульптуру. Да и как они тогда извлекут из машины мой труп? Поскольку я зажат между рулем и сиденьем, это все равно что выносить фортепиано из ванной. Я представляю себе спасателей, которые скалывают лед и дергают туда-сюда, приговаривая: «Поверни ему голову, Стив» и «Давай руку сюда, Джо», пытаюсь вытащить мое застывшее тело из машины. Они будут бить и стучать, толкать и тянуть, пока наконец от очередного рывка я не свалюсь наземь. Нет уж, спасибо. У Айры еще осталась гордость. Поэтому, раз уж дело плохо, я попытаюсь добраться до заднего сиденья, лягу и просто закрою глаза. Тогда они запросто достанут меня, как рыбную палочку из пакета.

Но может быть, умирать и не придется. Кто-нибудь заметит следы колес на дороге, ведущие в кювет, остановится, чтобы попытаться помочь, и увидит, что там внизу машина. Ничего невероятного, вполне возможный вариант. Идет снег, водители едут медленно. Разумеется, кто-нибудь меня найдет. Обязательно.

Ведь так?

* * *

Не исключено, что я ошибаюсь.

Снег продолжает идти. Дыхание на воздухе превращается в пар, как будто я дракон, а тело болит от холода. Но могло быть хуже. Когда я выезжал из дому, на улице подморозило, хотя снег не шел, поэтому я оделся по-зимнему: две рубашки, свитер, перчатки, шляпа.

Машина стоит под углом, носом книзу. Я по-прежнему пристегнут ремнем безопасности, который поддерживает вес тела, но голова лежит на руле. Подушка безопасности раскрылась, распространив вокруг белую пыль и едкий запах пороха. Неприятно, но я терплю.

Но тело болит. Подушка, похоже, сработала не сразу, потому что я ударился головой о руль и потерял сознание. Не знаю, сколько я так пролежал. Рана на голове продолжает кровоточить, кости правой руки как будто пробиваются сквозь кожу. Ключица и плечо ноют, и я боюсь пошевелиться. Убеждаю себя, что могло быть хуже. Хотя и идет снег, снаружи не так уж холодно. Сегодня вечером температура понизится до минус пяти, а завтра поднимется до плюс трех. Обещают ветер, порывы которого будут достигать двадцати миль в час. В воскресенье ветер еще усилится, но к вечеру понедельника погода постепенно улучшится. К тому времени холодный фронт переместится, и ветер стихнет почти полностью. Во вторник потеплеет до плюс десяти.

Я знаю это, потому что смотрю «Погодный канал». Он гораздо увлекательнее новостей. Там не только сообщают прогноз на завтра, но и рассказывают о катастрофических погодных явлениях в прошлом. Я видел сюжет о людях, которые находились в ванной, когда торнадо сорвал дом с фундамента, и слышал рассказы потерпевших, которых спасли от наводнения. Герои этих сюжетов — выжившие после катастроф. И мне нравится заранее знать это. В прошлом году я видел сюжет о пассажирах, которых в Чикаго застигла снежная буря.

Снег сыпался так быстро, что дороги завалило, в то время как тысячи людей еще находились в пути. Восемь часов они просидели в машинах, не имея возможности тронуться с места, пока не потеплело. В передаче показали двоих пострадавших, и меня поразило то, что перемена погоды застала их врасплох. Оба чуть не умерли от переохлаждения, когда разразилась метель. Честно говоря, я чего-то не понимаю. Те, кто живет в Чикаго, знают, что снег там идет регулярно; они раз за разом переживают снежные бури, которые налетают из Канады. Они должны понимать, что в таком случае становится холодно. Как можно этого не знать? Если бы я жил в Чикаго, то с ноября возил бы в багажнике теплые одеяла, шапку, запасную зимнюю куртку, перчатки, лопату, фонарик, грелку для рук и бутылку с водой. И мне бы ничего не стоило провести под снежным завалом две недели.

Моя проблема, впрочем, в том, что живу я в Северной Каролине. И обычно, когда я сажусь за руль — не считая ежегодной поездки в горы, которая, как правило, бывает летом, — то не отъезжаю от дома дальше чем на несколько миль. Поэтому в моем багажнике пусто; но меня отчасти утешает тот факт, что будь там даже портативный отель, он бы мало чем помог. Склон обледенелый и крутой, и я ни за что не сумел бы добраться до багажника, даже если бы он содержал сокровища Тутанхамона. И все-таки я не то чтобы совсем не подготовлен к чрезвычайной ситуации. Прежде чем выехать из дома, я прихватил полный термос кофе, два сэндвича, пакет чернослива и бутылку воды. Еда лежала на пассажирском сиденье, рядом с письмом, и, хотя во время аварии все разлетелось по салону, приятно сознавать, что припасы никуда не делись из машины. Если я проголодаюсь, то попробую их найти, хотя, конечно, у еды и питья есть свои минусы. То, что вошло, должно выйти, а я еще не придумал, как это сделать. Мои ходунки на зад-

нем сиденье, и если я шагну на склон, то кювет станет моей могилой. Учитывая полученные мною повреждения, зов природы — не первоочередная проблема.

Кстати, об аварии. Я мог бы, наверное, сочинить захватывающую историю про ненастную погоду или про злобного водителя, который заставил меня свернуть в кювет, но на самом деле все было не так. Случилось вот что: стемнело, пошел снег, с каждой минутой все сильнее, и внезапно дорога просто исчезла. Наверное, я свернул — я говорю «наверное», потому что не видел поворота, — и в следующую секунду пробил ограждение и покатился вниз по крутому склону. И вот сижу здесь, один и в темноте, и гадаю, светит ли мне стать героем сюжета на «Погодном канале».

Сквозь ветровое стекло ничего не видно. В теле вспыхивает мучительная боль, но я включаю стеклоочистители, хоть без особой надежды, и они вдруг принимаются сгребать снег, оставляя за собой тонкий слой льда. Это просто чудесно, но я неохотно выключаю щетки, а задно и фары — оказалось, они горели до сих пор. Напоминаю себе, что нужно сохранять оставшийся заряд аккумулятора, на тот случай если придется сигналить.

Я устраиваюсь поудобнее и чувствую, как огненная вспышка пронизывает руку от локтя до ключицы. В глазах темнеет. Какая нестерпимая мука. Я вдыхаю и выдыхаю, ожидая, когда боль пройдет. Господи, пожалуйста. Остается молиться, чтобы не кричать... но внезапно становится легче. Я дышу ровно и стараюсь сдерживать слезы, а когда наконец боль отступает, ощущаю страшное изнеможение. Я готов заснуть навеки. Глаза закрываются. Я очень устал.

Как ни странно, я думаю о Дэниэле Маккаллуме. Вспоминаю подарок, который он нам оставил. Соскальзывая в темноту, я лениво задумываюсь, сколько времени пройдет, прежде чем кто-нибудь меня обнаружит.

* * *

— Айра.

Я слышу во сне какой-то невнятный звук, словно нахожусь под водой. Проходит несколько секунд, прежде чем я понимаю, что кто-то зовет меня по имени. Но это же невозможно.

— Проснись, Айра.

Я открываю глаза. На сиденье рядом со мной — Рут, моя жена.

— Это не сон, — говорю я, по-прежнему лежа головой на руле. Без очков, которые свалились во время столкновения, ее черты расплываются, как у призрака.

— Ты слетел в кювет.

Я безмолвно моргаю.

— Со мной чуть не столкнулся какой-то ненормальный. Машину занесло на льду. У меня отличная реакция, не то было бы хуже.

— Ты съехал с дороги, потому что слеп как крот и слишком стар, чтобы водить машину. Сколько раз я говорила, что тебе опасно садиться за руль?

— Ни разу.

— И напрасно. Ты даже не заметил поворот. — Она замолкает. — У тебя кровь идет.

Приподняв голову, я вытираю здоровой рукой лоб и вижу, что ладонь алого цвета. Красные пятна — на руле и на приборной панели. Интересно, сколько крови я потерял?

— Знаю.

— Ты сломал руку и ключицу, и повредил плечо.

— Знаю, — повторяю я. Когда я моргаю, Рут то появляется, то исчезает.

— Тебе нужно в больницу.

— Не стану спорить.

— Я волнуюсь, правда.

Я медленно вдыхаю и выдыхаю, прежде чем ответить.

— Я тоже.

Моей жены Рут нет в машине, это факт. Она умерла девять лет назад, и в тот день я понял, что моя жизнь остановилась. Я позвал ее, сидя в гостиной, а когда она не ответила, встал с кресла и направился в спальню. Тогда я еще мог передвигаться без ходунков, хотя и не быстро. Добравшись до места, я увидел, что Рут лежит на полу рядом с кроватью, на правом боку. Я вызвал скорую, опустился на колени рядом с женой, перевернул ее на спину, пощупал пульс и ничего не ощутил. Прижавшись губами ко рту Рут, я стал дышать — так, что чуть сам не потерял сознание, — но тщетно. Я целовал Рут в губы и в щеки и держал в объятиях, пока не приехала скорая. Женщина, с которой я прожил пятьдесят пять лет, умерла, и в мгновение ока исчезло все, чем я дорожил.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я.

— Ничего себе вопрос! Я здесь из-за тебя.

Ну конечно.

— И долго я лежал без сознания?

— Не знаю, — отвечает она. — Уже стемнело. Кажется, ты мерзнешь.

— Мне постоянно холодно.

— Но не настолько.

— Да, — соглашаюсь я. — Не настолько.

— Что ты делал на этой дороге? Куда ехал?

Я пытаюсь шевельнуться, но воспоминание о мучительной боли меня останавливает.

— Ты же знаешь.

— Да, — говорит она. — В Черные горы. Где мы провели медовый месяц.

— Я хотел съездить туда в последний раз. Завтра наша годовщина.

Она отвечает не сразу.

— По-моему, у тебя что-то с памятью. Мы поженились в августе, а не в феврале.